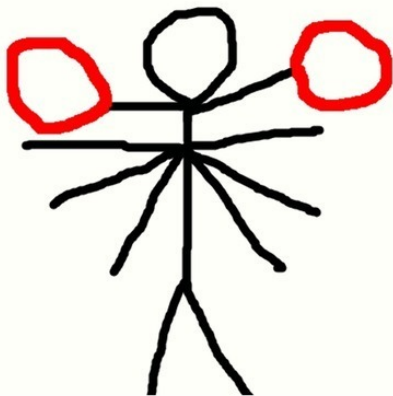

Валентин Цапков

Все извинения сразу

Это выдуманная история, последствия которой преследуют меня до сих пор

Валентин Цапков

Все извинения сразу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17690363

ISBN 9785447452988

Аннотация

Ты думаешь, что это сон, но непонятно, какой это сон – ужасный или прекрасный? Или это не сон? Или это всё произошло именно с тобой и было просто забыто? Это такой кувырок сознания, прыжок в настоящее и живое. Прыгайте, если готовы.

Содержание

Часть первая. Наши дни	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

**Все извинения сразу
Это выдуманная история,
последствия которой
преследуют меня до сих пор**
Валентин Цапков

© Валентин Цапков, 2016

© Валентин Цапков, дизайн обложки, 2016

Редактор Елена Летяго

Корректор Татьяна Исакова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Наши дни

Мы лежали в пыльной комнате. Знаете, когда солнце бьет прямо в окно, разрезая свет линиями штор, видно, как частички пыли кружатся в воздухе. И сколько на них ни смотри, они никогда не падают. В такие моменты начинаешь вспоминать, когда последний раз протирал пыль, откуда она берется и что это такое вообще – пыль.

Она спала на животе полностью голая. Длинные рыжие волосы закрывали шею и лицо. «Наверно, она очень красивая, раз мы вчера познакомились», – подумал я.

Я посмотрел на потолок, до него было далеко. Никак не привыкну к постоянным переездам. Снимать отдельное от всех жилье в Петербурге очень дорого, снимать комнату тоже дорого, но не очень. Все современные коммуналки совсем не современные. Они прошли как минимум две революции и с тех самых пор ни разу не ремонтировались. Очередные жильцы по-быстрому клеили свои новые обои поверх старых и начинали создавать семью. Когда семья распадалась, люди съезжали и заезжали другие, которые тоже в первую очередь клеили свои новые обои.

Поклеить в коммунальной комнате новые обои – это как ритуал очищения ее от старых жильцов. Может случиться так, что, вбив в стену гвоздь, до стены ты не дойдешь, а пробьешь лишь слои старых обоев. По ним можно судить, сколь-

ко семей здесь жило до тебя. История комнаты в слоях обоев.

Я все еще смотрел на потолок, до него было метров пять. «Может быть, такие высокие потолки делали для того, чтобы на них не клеили обои», – подумал я и потянулся за сигаретами.

– И мне тоже прикури, – раздался ее голос. – Во сколько мы вчера пришли?

– Не знаю, – ответил я и передал ей зажженную сигарету.

– Темно было или уже светло? – спросила она, разворачиваясь ко мне.

– У нас в это время года всегда светло.

– А, да, я и забыла. Петербург – северная столица – белые ночи, – сказала она и встала с кровати.

«Так может говорить только москвичка», – подумал я. Впрочем, из любого другого города девушки тоже так могут сказать, но с такой интонацией – только коренная москвичка.

Стройная, с длинными прямыми рыжими волосами и непропорционально большой для миниатюрного тела грудью, она стояла и совершенно меня не стеснялась. Очень красивая, даже странно, почему она вчера решила пойти со мной.

– Где у тебя пиво? – спросила она, надевая бледно-розовое платье прямо на голое тело.

– Нет.

– А холодное есть что-нибудь попить?

– У меня даже холодильника нет.

– Как нет холодильника?

– Ну, так нет, – в этот момент я почувствовал, что она начинает понимать, с кем связалась.

Она посмотрела на меня, на мебель в комнате, точнее, на то, что осталось от нее, на замок на двери в комнату, затем на высокий потолок.

– Ты живешь в коммуналке? – аккуратно спросила она.

– Да. Вчера только въехал, холодильник еще не перевез. – По правде сказать, у меня не было холодильника.

– О эта питерская богема, твою мать, – она быстро засобиралась. Когда она поднимала свою сумку, из нее выкатилась бутылка дорогого импортного пива. Название мне было не известно, но то, что оно было дорогое и импортное, было понятно сразу.

Она взяла бутылку и поставила на стол.

– Это тебе от меня. Тебе оно нужней, выглядишь что-то паршиво, – сказала она и, ловко открыв замок, ушла.

Я дотянулся до стола, взял пиво, оно было теплым, но было пивом. Сделал два больших глотка и посмотрел на потолок, он был так же далек. «А стоит ли сегодня вообще начинать день?» – подумал я. На часах было 10:11 дня.

Через пять минут и одну сигарету пиво закончилось. Лежать весь день дома и мучиться от похмелья не хотелось, знакомиться с соседями не хотелось еще больше. Я натянул джинсы, рубашку, которая была больше всех похожа на свежую, и чистые белые носки. Обувь стояла в комнате ря-

дом с моей сумкой, из которой торчала бутылка виски. Jack Daniels был наполовину пустой. «На меня это не похоже, наверно, новая подруга решила угостить», – подумал я и вышел из комнаты, оставив бутылку на полу.

В коридоре пахло жареной картошкой и сохли детские вещи на веревках. В ванной шумела вода, ну кухне кто-то пел под радио. Рассказывать про себя, а тем более слушать про других я был не готов. Поэтому, повернув дверной замок, вышел на лестничную площадку. Лифт был открыт, как будто специально меня ждал.

Молодые копирайтеры местного провайдера повесили над кнопками зеркала с надписью «Наш любимый клиент». Я нажал на второй этаж, первого просто не было, и посмотрел на клиента – он мне не понравился, клиенту я, по всей видимости, тоже.

Первой радостной мыслью за сегодня было понимание того, что комнату я снял в самом центре, на пересечении Фонтанки и Невского проспекта. Значит, до работы можно ходить пешком и обедать можно в кафе «Пирог», открытом московскими рестораторами.

Я опустил руку в карман и вытащил все наличные деньги. Среди них не было ни одной бумажной. Зато было 8 евро и несколько рублей. За евро меня в «Пирог» покормят вряд ли, а вот купить в «Продуктах 24» пару пива попробовать было можно. Продавцы уже давно привыкли к пьяным туристам, сующим иностранные деньги за русскую водку.

– Мне три пива, светлого, только рублей у меня нет, есть евро, готов переплатить в два раза, – сказал я и высыпал деньги.

Глаза уроженца СНГ быстро забегали, начали считать, поняли, что выгода очевидна, и выдали.

– Два пива.

Спорить я не стал. Забрал покупку и пошел на Аничков мост, посмотреть на Фонтанку.

Мало кто знает, что этот памятник архитектуры знаменит не только отлитыми в бронзе четырьмя конями и четырьмя юношами скульптора Клодта, но и как место вербовки молодых женщин для съемок в фильмах формата XXX. Все самые знаменитые порно-карьеры русских и украинских девушек начинались с разговора о работе на этом мосту.

Фонтанка – река темная, дна не видно дальше полуметра, но смотреть на нее мне нравится. Вся ее набережная напоминает Венецию. Хотя я там не был, но если бы был, то обязательно рассказал бы об этом итальянцам, что приехал из города, который имеет что-то сильно похожее с их домом.

Зазвонил телефон, это была Катя, милая девушка, которая сидит за столом и встречает всех посетителей в офис. Иногда ее просят делать вот такие звонки всем, кто опаздывает.

– Привет, ты сегодня придешь? Максим Валентинович очень тебя ждет.

– Катя, привет, да, через час буду. Скажи Максиму, что

сделаю я ему его молоко сегодня, пусть не волнуется.

До работы мне идти минут 25: по Невскому, потом на Владимирский и дальше еще пять минут по Загородному проспекту. В любом случае у меня еще было полторы бутылки пива.

Найденных рублей хватило на сигареты, название которых я видел первый раз. Пачка у них была мягкой, а вкус жесткий и противный.

В Петербурге совершенно нет лавочек. Можно часами гулять по центральным улицам и не встретить ни одной. Поэтому люди или пьют на ходу, или пьют в кафе. Еще есть те, кто пьет дома, но с этими людьми я не знаком.

Пить на ходу я перестал, когда окончил институт. Вместе со студенческим билетом я сдал все, что касается «пить по одной», «пить только со знакомыми» и «никогда не пить в незнакомых местах». При соблюдении этих трех правил 99% происшествий, связанных с алкоголем, никогда бы не произошли.

Я завернул в арку на Владимирском проспекте и закурил. Когда-то давно я здесь снимал комнату. Жили мы весело и постоянно вместе проводили время. Но потом одни друзья начали спать с другими друзьями, а потом с кем-то на стороне. Когда все это выяснилось, жить стало нам совсем невесело, и мы разъехались. Сейчас иногда созваниваемся, но все реже.

– Молодой человек, вам бутылочка нужна? – спросила

проходящая мимо бабушка.

Я сказал, что не нужна, и, одним глотком допив пиво, передал пустую тару.

До офиса оставалось совсем немного, но кроме Кати за столом там мало что меня могло порадовать. Я даже несколько раз пытался ее пригласить на концерт, но она всегда находила причины не пойти. Когда на прошлое 8 Марта я слонялся по кабинетам, ища хоть кого-то, чтобы еще выпить, то случайно застал, как наш директор Максим Валентинович, поставив Катю спиной к себе, задрал ей юбку и пьяными руками пытался сдвинуть ее трусы в сторону. Вышло у него плохо, белье девушки точно специально не поддавалось общему желанию. Тогда мы решили сделать вид, что никто ничего не видел. В начале апреля я получил зарплату за весь месяц, хотя был в марте только один день – восьмого.

Перед самым входом я решил, что вторую бутылку пива я все-таки допью. Стоило мне об этом подумать, как во двор заехала машина Максима.

– Не рано для пива? – спросил он и протянул руку.

– Не знаю, – ответил я, и мы поздоровались.

– Катя сказала, что ты слоган по молоку мне сегодня выдай. Я очень надеюсь, только до встречи, молочники ждут от меня письма до шести.

– Да, как раз уже собираюсь подниматься в офис, – ответил я и сделал два больших глотка.

– Как вы это пьете, это же из порошка делается? – сказал

Максим, и мы вошли в здание.

Катя как всегда сидела за столом, она мило со мной поздоровалась, я растекся в улыбке и спотыкнулся, она засмеялась.

– Ты иди работай, в четыре первая подача от тебя по молоку. Все, жду, – сказал Максим и ушел в свой кабинет.

Я посмотрел на часы – почти час дня.

В кабинете сидели грустные дизайнеры и еще более грустные бухгалтеры. Одни смотрели в мониторы, другие – в бумаги. Я поздоровался со всеми и сел за свой стол. Компьютер мне так и не купили.

«Молоко, молоко», – два раза вполголоса сказал я, потянулся и подошел к окну, закурил.

Окно выходило в другое окно. На самом деле между нами было расстояние, но мало. Петербургские дворы-колодцы построены таким образом, чтобы солнечный свет вообще не попадал в окна, но при этом в них абсолютная тишина. Раньше меня это расстраивало, теперь я не понимаю, как может быть по-другому.

Точно напротив на расстоянии примерно десяти метров открылось соседское окно, и оттуда выглянула девушка.

– Привет, сигаретой не угостишь? – робко спросила она.

– Боюсь, что я не доброшу, – ответил я.

Она было одета в безразмерную рубашку в красную клетку на голое тело. Возможно, там была какая-то еще одежда, но верить в это мне не хотелось. Длинные прямые коричне-

вые волосы ниже пояса и удивительный голос.

– Может, спустишься во двор, если несложно, и я спущусь, курить хочется, а дома все закончилось, – предложила она.

– Две минуты.

Я бросил сигарету в окно и побежал вниз.

Когда я докурил пятаю, прошло почти полчаса, во дворе было так же тихо, ко мне никто не вышел, даже кот, которого я звал, так и не вылез из-под машины. Я поднялся снова в кабинет, ее окно было закрыто и зашторено.

«Молоко, молоко», – два раза вполголоса сказал я и потянулся.

Денег не осталось совсем, а голова уже начинала болеть, вопрос о работе отпал сам собой. В такой ситуации единственный выход – это выпить еще. Потому что иначе утра ты не дождешься, ляжешь спать часов в семь вечера и, проснувшись ночью, будешь умирать от тоски. Но самое страшное наступит немного позже – пожирающее и опустошающее все нутро чувство вины. Оно не даст тебе уснуть, не даст сил встать с кровати, не даст тебе позвонить друзьям. Ты будешь лежать и до утра смотреть телемагазин. Единственное, что тебе останется ждать, – когда остынет вскипяченный чайник, чтобы попить.

Обычно Максим никогда не писал sms, предпочитая звонить. Но не в этот раз. «Зайди ко мне, дело есть», – написал он, и я сразу подумал, что для молочников еще ничего

не сделано.

Я постучал три раза и открыл дверь. Максим сидел за столом и курил. Пепел он стряхивал в большую хрустальную вазу.

– Мне по молоку еще час нужен.

– Да подожди. Садись. Тут видишь, какая штука получилась. У молочников наших пожар случился на производстве. Только что звонили, сказали: проект замораживаем и по новой упаковке, и по рекламе. Продавать-то нечего теперь, – он улыбнулся. – Но хорошего тут мало. Когда они теперь все там починят и починят ли, это вопрос. А я жене только машину взял новую в кредит, – сказал Максим и достал бутылку коньяка.

– Ты ведь коньяк пьешь?

Я кивнул. На самом деле на такие вопросы я кивал почти всегда. Мне повезло: всегда, когда кто-то спрашивал, пью ли я это, – это был дорогой алкоголь. Это про дешевый не спрашивают, пьешь ли ты это, а про дорогой спрашивают всегда.

– Хорошо, – продолжил он. – Вот ты зачем пьешь, знаешь? Да ладно, не отвечай, вижу, что пьешь, потому что не знаешь, зачем здесь и что делать. Эти вопросы всех волнуют в разной степени.

Он налил, мы выпили.

Я хотел сказать, что всякое бывает и появятся новые заказчики. Но не успел. Максим поднял указательный палец ко рту и налил снова.

На пятой рюмке он достал портсигар и угостил меня черной сигаретой, она пахла гвоздикой.

– У тебя дети есть?

– Нет.

– Жена?

– Нет.

– Девушка?

– Нет.

– Три «нет». Я так и думал, – он откинулся на кресло и закурил. – Когда мужчине к тридцати и он отвечает три «нет» подряд, значит, дело плохо. Вероятность того, что следующие тридцать будут такими же. Ну, понимаешь, никакой ответственности нет, а значит, и стремлений тоже нет. Ты ведь на амбразуру за новый костюм не полезешь? А за то, чтобы у дочки все было самое лучшее, – полезешь. Вот о чем я и говорю.

Мы помолчали.

– Хороший ты мужик. Ну, все, на сегодня рабочий день для меня закончен. И для тебя тоже. Поехали, свозишь меня в клуб, куда-нибудь, где вы собираетесь.

Клуба, где мы собирались, не было, потому что уже давно никто со мной никуда не собирался.

– Можно в «Мод» съездить – там сегодня концерт будет.

– Отлично, только сначала заедем в ресторан, выпьем.

– Максим, понимаешь, у меня сейчас денег с собой нет.

– У тебя их и не с собой нет. Значит, угощать я тебя сего-

дня не буду больше. Поступим так. Выпишем тебе премию за хорошую работу и высокие показатели ки-пи-ай.

Он открыл бумажник и положил на стол 300 долларов.

Что такое ки-пи-ай, я даже представить не мог, мы сели в машину.

– Знаю хорошее место на Рубинштейна, там такие лонги подают. Ты водить умеешь? Я просто после еще трех начну сшибать столбы.

– Умею, – сказал я и понял, что последний раз за рулем сидел лет десять назад, тогда мне не удалось даже тронуться с места.

В баре «Барселона» я был дважды. Первый раз на дне рождения Вики, девушки, которая первая мне показала, что значит «Когда страсть – любой вариант в сексе приемлем». И второй раз год спустя заходил в туалет. Местная администрация – первая, что привезла в Петербург писсуары из Голландии в виде больших женских красных губ.

Сангрию принесли в литровых бокалах, украшенных зонтиками и фруктами. Испанский слабоалкогольный напиток на основе красного вина был очень кстати. Он легко пьется после любого алкоголя.

– Давай выпьем за жен. А, да, у тебя же нет, ну тогда давай выпьем за женщин. Ты же наверняка с кем-нибудь встречался.

– Встречался.

Мы заказали еще по одной.

– Максим, я выйду позвонить.

– Только надолго меня не оставляй, – сказал он и подсел к девушкам за соседний столик.

Я вышел и закурил последнюю сигарету. Обменный пункт был напротив. В маленькое окошко было видно, как за бронированным стеклом сидела красивая молодая девушка, она смотрела на мобильном телефоне телевизор.

Я положил 300 долларов в маленькую щель под стеклом.

– Паспорт нужен? Можно мелкими купюрами?

– Мелкими можно, а паспорт не нужен.

Она просунула пачку новых рублей в ту же щель, рубли проходили тесно.

Интересно, ее кто-нибудь встречает после работы и ведет гулять по Александровскому парку? Нельзя быть таким молодым и красивым девушкам одинокими, потому что если уж они не могут никого себе найти, то что делать мне?

Максим сидел за столом, обнимая одну девушку, а другой, наклонившись, что-то шептал на ухо. Она смеялась. Я сел рядом.

– Марина и Марина, это наш незаменимый сотрудник, прошу любить. Он наклонился ко мне и сказал на ухо так, чтобы все слышали: – Представляешь, две Марины, вот это я называю подарок судьбы.

Девушки снова засмеялись.

Я посмотрел на часы.

– А нам торопиться некуда, – сказал Максим и закрыл ру-

кой мне запыстье. Мы вот лучше еще выпьем сангрии.

Девушки сангрию не хотели, они хотели текилу. В Петербурге все немного по-другому: мужчины курят тонкие облегченные сигареты, а девушки – толстые, мужчины пьют коктейли, а девушки – чистый Jameson. Я заказал водки.

Официант принес шесть стопок текилы, шесть стопок водки и двухлитровый бокал сангрии. Максим настоял на том, что пить мы должны залпом и на скорость, участвуют все. Марины похихикали, но участвовать согласились. Все подняли бокалы, Максим дал отмашку, и мы начали пить.

Первые четыре стопки прошли незаметно, на пятой я потянулся за лимоном. Все смотрели на меня. Было видно, что Марины, выпив по одной текиле, остановились, Максим не торопясь допивал первый бокал. Я прожевал лимон и выпил еще. Марины, до этого абсолютно не похожие, все больше походили на близняшек. «Какие же они красивые», – подумал я и улыбнулся им, после чего заснул.

Считается, что если человек от алкоголя резко засыпает, то предел отравления организма преодолен и у него срабатывает защитный механизм. Мозг обездвиживает тело, чтобы оно больше не навредило само себе.

Максим стоял надо мной и кричал, что «Так дела не делаются». Я открыл глаза, он бил меня по щекам на заднем сиденье своей машины. Голова лежала на ногах одной из Марин, вторая Марина смотрела на меня с переднего сиденья.

– Где твой «Мод»? Мы туда успеваем?

– На канале Грибоедова.

– Все, втягивай ноги, едем.

Дверь закрылась. Ноги Марины были теплые и гладкие, от ее платья пахло моими любимыми духами. Что-то среднее между запахом озона во время грозы и свежими огурцами. Она гладила меня по волосам, казалось, что жизнь налаживается и Марина будет со мной вечно, а этот день никогда не закончится. Я буду покупать ей красивые платья, а она будет их примерять для меня. Но смотрела она не на меня и другой рукой гладила Максима по шее.

Я поднял глаза и посмотрел в заднее окно, там было видно небо, оно быстро шло прочь из города. «Сегодня ночи снова не будет», – подумал я и, поднявшись, сел.

В машине все курили. Марины снова становились разными, и желание покупать одной из них платье медленно, но уходило.

– Ты, когда пьешь, силы рассчитывай. Мне никакого удовольствия тебя таскать нет. Скажи спасибо девчонкам, что помогли тебя в чувство привести. План был, что пью я, ведешь машину ты, а у нас?

– Сколько я спал?

– Минут двадцать, – сказала Марина, у которой я только что лежал на коленях.

– В клуб нас с виски не пустят, так что все оставим в машине, – сказал Максим, и Марина с переднего сиденья передала мне начатый Jameson. Всю дорогу до клуба она пила

его прямо из бутылки. Я сделал большой глоток и положил виски в карман переднего сиденья.

Все охранники клубов – люди служившие. Они получают четкое указание, кого пускать, а кого – нет. Места вроде «Мода», находящиеся в самом центре, всегда пользуются популярностью. Владельцы могут себе позволить не пустить полсотни человек за вечер только по причине того, что они на лицо не вышли. Если ты слишком пьян или одет, как спортсмен, охранник говорит, что вечеринка закрытая и войти можно исключительно по приглашениям. Естественно, таких приглашений в природе не существует. Девушек пускают всегда.

Билеты продавали на входе. Высокий лысый парень в одной руке держал пачку билетов, в другой – пачку денег. Какая из них была толще, сказать было сложно. Максим, взяв обеих Марин под руки, быстро прошел охранника.

– За четверых, – сказал мне высокий лысый парень не глядя.

Я заплатил и вошел внутрь.

У дорогого виски есть особенность, которая всегда его выдает: он не вызывает отвращения и его хочется выпить еще. Причем пить хочется именно ту марку, с которой начал.

Я подошел к бару и заказал двойной Jameson. Стоящая рядом девушка, одетая в латексное платье, улыбнулась мне и сделала большой глоток пива. На кружке было написано «Невское».

В Петербурге, как и в любом городе мира, коренные горожане не пьют то, что в нем производят. И дело тут не во вкусовых качествах, а исключительно в понимании того, что все лучшее где-то далеко. По этой же причине, если вы скажете жителю Дублина, что любите «Гиннесс», он вас не поймет.

Максим вместе с Маринами занял диван и стол на втором этаже с хорошим обзором. На сцене стоял молодой человек в одноразовой медицинской маске и включал тяжелую электронную музыку. Я сел за стол.

– Мы подумали и решили, что все не против выпить текилы. Зная тебя, думаю, ты за, – Максим говорил уверенным веселым голосом.

Я быстро допил виски и пустой стакан поставил на стол. На сцену музыканты начали выносить инструменты. Зрители потянулись посмотреть на это поближе. Молодые мальчики и девочки, одетые в самые яркие и вызывающие футболки, с ассиметричными прическами в своей массе казались одинаковыми. Перекрашенные в самые смелые цвета волосы, полностью забитые татуировками руки и многочисленные проколы тела – все это делало их схожими тут и совершенно чужими для прохожих на улице.

– И куда ты нас привел? Одни дети кругом, какие-то странные, – Максим налил всем текилы из полной бутылки. Мы выпили.

Марина, которая гладила меня по волосам в машине, в свете софитов стала еще красивей. Она наклонилась ко мне

и попросила проводить ее до туалета. Я посмотрел на Максима, он трогал другую Марину за грудь, она его – за пах.

Мы пошли вниз, Марина взяла меня за руку и прижалась. Было видно, как она боится людей вокруг, как старается не ловить на себе их взгляды. На сцене музыканты ударили по струнам, и все резко двинулись к ней.

Туалет был пустой и грязный. Марина обняла меня за шею, и мы провалились вглубь туалетной кабинки. Она быстро начала расстегивать мой ремень и пуговицы на рубашке. Я ловил каждое ее дыхание, пытался поймать ее взгляд, понять, с кем она сейчас хочет делать секс: со мной или с любым другим мужчиной. Она ловко расстегнула молнию на платье и задрала подол. Ее совсем юная упругая грудь налилась желанием. И в этот момент она посмотрела на меня. Два пустых стеклянных глаза, не способных остановиться на месте, бегали, пытаясь понять, кто перед ними стоит. Она засунула мне руку в трусы и сразу же вытащила.

– Все равно у меня месячные начались, – в отчаянии сказала она и вышла из туалетной кабинки, хлопнув дверью.

Я сел на унитаза. Вспомнил, что последнюю сигарету выкурил в «Барселоне», вздохнул и начал застегивать рубашку. Единственное, что сейчас хотелось, – чтобы наступило утро и все закончилось. Чтобы пришло завтра и я проснулся в своей маленькой комнате, пусть даже один, пусть с похмельем, но весь сегодняшний день закончится. Чтобы от него ничего не осталось. И я снова буду пол-утра искать в себе си-

лы, чтобы встать и выйти, а потом думать, как жить дальше.

Я поднялся обратно за стол, где все сидели. Максим стоял и орал на какого-то парня матом. Его пыталась успокоить Марина, другая Марина сидела, поправляя лифчик, и никак не реагировала на ситуацию.

Максим ударил парня по лицу, и тут же в него кинули пивной кружкой, она попала прямо в висок и разбилась. Максим упал.

Я с криком рванул к тому парню, которого ударил Максим, но из толпы получил ногой в грудь такой силы, что перевалился через стол. Падая, я схватился за Марину в надежде сохранить равновесие, но лишь уронил ее тоже. Она закричала. Именно на такой крик быстрее всего реагируют охранники. Стоило мне перевернуться на живот и начать вставать, как два человека в черной одежде с нашивками «ЧОП „Руслан“» ударом положили меня на землю и надели наручники.

Первой приехала «скорая», сквозь маленькое окошко подсобного помещения охраны было видно, как Максима увозят на носилках. Лицо его было открыто, и на нем была кислородная маска. «Маска – это хорошо», – подумал я, и в этот момент ко мне зашел полицейский.

– Охрана мне все рассказала, и, по всей видимости, вы не виноваты. Но в отделение мы все равно проедем, напишем заявление за хулиганство, и переночуете у нас. Вас в таком виде все равно домой не пустят. «Нет у меня того, кто меня мог бы не пустить домой», – подумал я.

– Человек, которого на «скорой» увезли, как он?

– Друг ваш? Жить будет. Голову зашьют, и через неделю выйдет, – сказал полицейский, и мы вышли.

Он посадил меня на заднее сиденье нового «мерседеса 02», и мы поехали в отделение. Я посмотрел в окно: было светло, и начинался дождь. Капли струями стекали по закрытому окну. Люди разбегались под навесы, даже ночью их было много. Болела грудь и спина, еще болели запястья, наручники как будто постоянно сжимались, пытаюсь откусить мне кисти.

Ехать было недалеко, раньше я никогда не был в отделениях полиции. Всегда как-то удавалось избежать такого развития ситуации. «Наверно, и это сделает меня только сильнее», – подумал я.

В отделении за стеклом сидел сонный полицейский, напротив него к лавке был пристегнут пьяный человек, он спал. Было видно, как его организм самоотверженно сражался с алкоголем, почему его и вырвало себе на грудь. На это ни человек за стеклом, ни тот, кто меня привез, не реагировали. Меня посадили на лавку рядом.

Через пять минут в комнату вошел еще один полицейский, он был толстый и сонный. Подойдя ко мне, он начал разминать кисти.

– Наркоман? – нагнувшись, спросил он.

– Нет.

– Ну ничего, сейчас узнаем.

Он схватил меня за локоть и втолкнул в ту дверь, откуда только что вышел.

Все то, как представляется комната для допросов: со столом по центру и лампой холодного света в лицо, все это киношный трюк. В жизни это обычный рабочий стол рядового полицейского, с кучей серых папок и еще большей кучей листов, написанных от руки. Все они скреплены в большие тома и навалены друг на друга. Лампы на столе не было.

– Из карманов все достаем и кладем на стол.

Спорить смысла не было, я был пьяный и в наручниках. Старый корпоративный мобильник, который Максим выдал, чтобы я всегда был на связи, и оставшиеся деньги, всего долларов 150. Больше в карманах ничего не было. Увидев деньги, полицейский удивленно поднял брови и прикусил нижнюю губу. Видно, что они его очень заинтересовали, я его больше не волновал.

– Что же вы, гражданин, по городу без денег ходите по ночам? – спросил он.

– Мне до дома надо доехать.

– Этого должно хватить, – сказал полицейский и, оставив мне на такси, убрал деньги в стол.

– Спасибо, – сказал я и спрятал телефон и оставшиеся деньги в карман.

– Ну, на этом ваше дело о хулиганстве можно считать закрытым. До утра посидите у нас. Можно в камеру пройти или на лавочке посидеть со спящим другом.

Сидеть на лавочке ближайшие шесть часов мне не хотелось, но идти в камеру, где была вероятность получить сотрясение, не хотелось еще больше. Я выбрал лавку.

Самое ужасное – это сидеть и понимать, что как бы ты ни хотел выпить, тебе уже не удастся. Будешь сидеть и бороться с неминуемым похмельем, стараясь заснуть и закончить этот день, закончить эту ночь, закончить эту жизнь, полную поступков, которые ведут тебя к разрушению. Сидеть и молча пожирать себя изнутри, потому что ты знаешь, что живешь не своей жизнью, проживаешь чью-то другую, совершенно чужого человека, потому что ты не такой, ты хороший, жаль, что видишь это только ты сам.

Меня посадили на лавку и пристегнули к подлокотнику. Спящий рядом человек открыл глаза, посмотрел на меня мутным взглядом, медленно сказал «Су-ка» и снова заснул.

Я закрыл глаза и поднял голову: «Когда же я тебя найду? Когда ты придешь за мной? Сколько мне еще быть без тебя? Ты же видишь, что я так больше не могу», – прошептал я и заснул.

Ровно в 8 утра на смене персонала новые и свежие полицейские разбудили меня и, молча отстегнув, вывели на улицу.

– Ведите себе хорошо, – сказал молодой сержант и зашел обратно в отделение.

– Буду стараться, – ответил я закрывающейся двери.

Выходя из двора, я увидел, как в арке лежит вчерашний

мой сосед, было понятно, что его снова рвало и он снова спал.

«Если вчера от „Мода“ мы ехали минут десять, значит, до дома вполне можно было добраться пешком», – подумал я.

Отделение оказалось недалеко от Площади Восстания. Если я сейчас выйду на Невский, то по прямой за 30 минут как раз доберусь домой.

Зазвонил телефон.

– Катя, привет, ты знаешь, с Максимом беда случилась?

– Я знаю, – она перебила меня. – У него был набран мой номер последним, мне из больницы звонили узнать, как его зовут, я сразу поехала, сейчас до сих пор тут. С ним все в порядке, сказали, был бы трезвый, умер бы. А так наложили швы, на днях уже можно будет домой забрать.

– Хочешь, я приеду?

– Нет, не надо, иди домой, я к обеду в офис постараюсь приехать. Вечером можно будет к Максиму съездить, если хочешь.

– Конечно, хочу, а где он?

– Все, давай, на работе расскажу. Ты как?

– Катя, я плохо, но это пройдет.

– Хорошо, до встречи.

«Хорошо, что мне плохо, или хорошо, что пройдет?», – подумал я и положил трубку.

Как бы ты ни относился по-скотски к людям, как бы ты

их ни использовал, как бы ни предавал, всегда найдутся те, кто тебе все это простит и будет любить несмотря ни на что. Катя знала, что Максим никогда не будет с ней, что никогда не оставит семью, но это не мешало ей любить его и быть всегда рядом. Где-то глубоко внутри она надеялась, что однажды он предложит ей съехаться и жить вместе. Она надеялась, что когда-нибудь их вещи будут стираться вместе, и эта мысль давала ей силы терпеть его безразличие.

Я зашел купить сигареты. В магазине продавец ставил пиво из ящика в холодильник.

– У нас до 12 дня два любых пива по цене одного, – сказал он и зашел за прилавок.

– Спасибо, не надо, только сигареты.

Я вышел и сел на остановку покурить. Солнце уверенно поднималось, люди наполняли общественный транспорт и ехали по своим делам, у меня дел не было. Еще у меня не было денег, а вчера чуть не потерялась работа вместе с руководителем.

Рядом со мной остановилась тонированная иномарка. Из нее играла громко электронная музыка. Когда вышел Артем, я не удивился. Только он из моих знакомых до сих пор ездит в темных машинах и каждый месяц покупает себе аудиосистему большей мощности, чтобы вместе с ним музыку слушали все вокруг.

– Ты чего так хреново выглядишь? – спросил Артем и сел рядом.

Мы пожали руки.

– Ночь была сложной, подрались в клубе, забрали в участок, – ответил я и почувствовал, что поговорить с кем-то сейчас – именно то, что сделает это утро светлее.

Артем приехал в Петербург лет пять назад откуда-то из глубокой провинции, но это тщательно скрывает. Поэтому всем своим видом показывает себя как жителя северной столицы, молодого, дерзкого и очень модного.

Артем любил легкие деньги, легкие сигареты и легких на подъем женщин. Поэтому года два назад каким-то образом устроился порноактером и сейчас прекрасно себя чувствует. Каждый раз, когда мы встречаемся, он рассказывает смешные случаи со съемок. Историй у него много, и чем больше я их узнаю, тем меньше я хочу узнавать новые. Их порностудия славится тем, что работает исключительно на американский рынок по заказу. На сайте есть фотографии девушек, которые у них работают. Заказчики заходят, читают анкеты и заказывают с конкретными людьми конкретные действия. Артем говорит, что от заказа до производства фильма редко проходит больше двух дней. Поэтому работы у него много. Фильм – это ролик в 22 минуты, который снимается 22 минуты. За день таких роликов у Артема бывает по три, за каждый ему платят по 150 долларов. Помимо съемок он еще любит девушек в клубах и барах.

Мы познакомились с ним на дне рождения общей подруги. Тогда он всем рассказывал о себе, а ему рассказывали

обо мне, вот он и заинтересовался. Сошлись на том, что я придумал ему псевдоним для его фильмов, за что он до сих пор благодарен.

– Ты сегодня что делаешь? – спросил Артем.

– Иду из отделения, думал зайти домой – помыться и поспать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.